

Воззвание к духу

Эрих Мюзам

Эрих Мюзам
Воззвание к духу

Сохранено 1 июля 2014 года из
[http://avtonom.org/old/lib/theory/
muehsam_geist.html?q=lib/theory/muehsam_geist.html](http://avtonom.org/old/lib/theory/muehsam_geist.html?q=lib/theory/muehsam_geist.html)
Перевод с немецкого — Ndejra.

ru.theanarchistlibrary.org

Мы, люди, созданы, чтобы жить друг с другом в сообществе; мы нуждаемся друг в друге, живём за счёт друг друга, вместе обрабатываем землю и совместно употребляем урожай. Можно это природное устройство рассматривать как преимущество или недостаток по сравнению с почти всеми другими животными: зависимость человека от человека существует, и она втискивает наш инстинкт в социальные ощущения. Ощущать социально означает, таким образом, сознавать принадлежность к обществу, социально действовать – означает действовать в духе совместности. Это конфликт, в который природа поставила нас, людей: что земля требует работы наших рук, чтобы отдать нам свои плоды, и что наша сущность определяется ленью, жадной насладений и стремлением к власти. Мы хотим иметь пропитание, жильё и одежду, да ещё и не напрягаясь для этого; мы хотим уютно наслаждаться вдали от мучительных необходимостей; мы хотим применять власть к нашим соплеменникам, чтобы заставлять их делать нашу радостную отрешённость от нужд надёжной. Найти выход из этого несоответствия – это социаль-

ная проблема всех времён. Ни одно время не разбиралось с этой проблемой так бездарно, как наше. Капиталистическое государство, печальный суррогат социального общества, оккупировало во имя крошечного, не одарённого особенными духовными или человеческими качествами, меньшинства власть над подавляющим большинством людей тем, что удерживает их от свободного пользования средствами производства. Его единственное средство – это принуждение; принуждённые люди защищают в бездумной преданности лень и наслаждение превилигированной властью имущих. Дико, бессмысленно, грубо, не сдерживаемые братским чувством, налетают люди друг на друга. То, к чему они стремятся, как к власти, есть трезвое обладание материальными благами. Война всех против всех – это не борьба за награду красоты, внутренней свободы, культуры, но гротескная драка за самую большую картофелину. С одной стороны голод, нищета, низость; с другой стороны – безвкусная роскошь, глупое хвастовство силой, бесстыжая эксплуатация. И всё хаотичное копошение запутывается в стальной сети законов, приказов, угроз, которые создало превилигированное меньшинство, чтобы предать своей власти насилия вид права. Та же самая завравшаяся этика отравила знание и лишила его правды и справедливости. Вывернутая наизнанку адвокатская логика (перекрутила) хорошее, чистое и правдивое понятие свободы в пугало авторитарных базарных крикунов. Взаимопонимание людей происходит на тарабаршине политики. Воля людей прогибается под абстрактные параграфы, человеческий позвоночник приспосабливается к искривлённым униформам.

Залеплена кляпом мысль, слово и дело – залеплено даже стремление к справедливости и человечности. Душа человека пошла государству на службу и дух человеческий спит под защитой начальства. Никакой зубовный скрежет

не мешает расторопности сделок. Шум поднимается во-круг прибыли, никакие стоны отчаяния не заглушают его. Но кто поднимает голос, предостерегая, кто ищет людей, чтобы строить с ними, исполнять дело свободы, радости и мира, тому бьётся в ухо смех тех, кто не хочет отвлекаться, тех, кто получает пинки и отбрыкивается, издевательский смех мещан. Как следует думать человеку о вещах и людях – всё проштампелёвано государством. Отдельные государственные учреждения, особенные меры разрешено критиковать и ругать. Но горе тому, кто бросает свет в самую гниль общества. Он преследуется законом, презираем, отвергнут. У обывателей хватает средств, чтобы сделать таких безопасными: у них есть «общественное мнение», у них есть пресса. Конечно, органы различных партий соревнуются друг с другом; конечно, громче и пронзительней всего трубят рожки на охоте за прибылью в полях общественного мнения. Но они едины в том, что свободной мысли, свободному слову, свободному желанию нет места на их территории. Широкий ров тянется через все их лагерь, и струится по нему течение, с которым мы все должны плыть. Высоко над равниной, на которой обыватели мнут друг другу бока, вздымается крепость, в которой живёт Дух. Литератор и художник утомлённо поднимает взгляд от столпотворения масс. Какая им разница, как Хинц даёт Кунцу по шее? Попрошайке, что мямлит своей шарманкой у дороги, милостиво дают грошик и идут себе дальше. К ним, наверх, в жилища искусства не имеет права подниматься дым повседневности. Зажмите нос перед испарениями народа! Взгляд вверх, к чистым высотам духовности! Улыбаясь острят на эстетических празднествах о снобе, что поднимается на трибуну и призывает массы к борьбе против насилия и эксплуатации, за право и свободу. Любитель сенсаций или рекламный герой, в лучшем случае – заблудший глупец, по делом же ему, если его игнорируют

и бойкотируют. Что дела ему до социальной нужды народа?

Художник, считающий себя намного выше всего, что касается окружающего его мира – мещанин. Его удобное довольство не есть нечто возвышенное, но всего лишь презрительное. Он закрывает глаза на нищету, в которой сам бредёт по щиколотку, и становится, таким образом, самым желанным из всех граждан для начальства. Но как раз у художника нашлась бы тысяча причин яростно взбунтоваться против позора нашего общества-фабрики. Его творение стоит, и так и должно быть, по ту сторону рыночного торга. В нынешнем состоянии мира оно, такм образом, излишне, бесценно, никчёмно и иногда смехотворно, либо опасно. Сам художник считается (в случае, если он не заставляет работать других, как капиталист) нахлебником, вредителем, нарушителем движения. Если он хочет жить своим искусством, он должен подогнать его под запущенный вкус невежд. Если у него есть средства к существованию, то он производит всё, что ему вздумается, и его творение остаётся чуждо соплеменникам, а высшая радость творящего, освещать и освежать своей работой души людей, остаётся для него сокрытой. Но он же эзотерик. Ему хватает признания тех немногих, кто «созрел» для его искусства, которые, как и он, стоят в отдалении от театра жизни. Ах, пустословие! Это — матовое, бескровное, посредственное искусство, не пропитанное тёплым красным потоком живой действительности. Только те времена были временами культуры, когда дух и народ были одним, когда из произведений искусства и литературы светила душа народа. Вы, сумашедшие одиночки, полагающие, что вверху, в ваших ателье дышите другим, более свободным воздухом, не как толпа на площадях города! И вы тоже едите в ваших башнях хлеб, что посеяли человеческие руки, испекли человеческие руки, подали вам человеческие руки. Не корчте

из себя особенных! Будьте людьми! Сердце имейте! И задумайтесь о недостойности вашего существования! Вы, создающие произведения, из которых дух нашего времени должен пламениться в будущее, позаботьтесь, чтоб ваши произведения не ввали! Помогайте создавать условия достойные быть воспетыми в прекрасных подвигах искусства и поэзии! Не подделывайте для потомков картин, которые малюют золотом плачевную серость наших дней! Не будьте мещанами, ибо у вас есть все причины быть бунтарями! Изгнан художник, как последний из оборванцев! Горе художнику, который не отчаялся! Мы, одухотворённые люди, хотим стоять в одном ряду, вместе с бродягами и нищими, с отвергнутыми и преступниками хотим мы бороться против царства не-культуры! Каждый, кто является жертвой – один из нас! Страдает ли наша плоть или наша душа, мы должны трубить к бою! Справедливость и культура – вот элементы свободы! Обыватели бирж и ателье, в страхе отступят они перед свободой, когда, наконец, дух объединится с сердцем!